

А
Павел Иванович Бирюков

Биография Л. Н. Толстого

том второй

(Date: 24 - 26 декабря 2002, Изд: Павел Бирюков. Биография Л. Н. Толстого, книга первая (Серия "Гений в искусстве"), М., "Алгоритм", 2000; OCR: Виталий Адаменко)

Rem: Прошу проверить орфографию фрагментов на иностранных языках

Биография Л. Н. Толстого

Том второй

Предисловие автора

Как и перед писанием первого тома, я снова остановился в нерешительности, когда принялся за перо. Меня пугала непропорциональность моих сил с громадностью и важностью предпринятой работы. Только поборов в себе все соблазны самолюбия, готовый на всяческое осуждение, я, наконец, решился продолжать начатую работу. Я знаю, что, несмотря на все недостатки ее, я совмещаю в себе несколько благоприятных условий, которые, быть может, более не повторятся.

Описывать этот период правильной, честной семейно-эгоистической жизни чрезвычайно трудно. Мало или вовсе нет выдающихся фактов. То, что в материалах (письмах, заметках, рассказах) описывается как интересный факт, то большею частью носит характер чисто семейный, интимный, и при выборе его всегда остается колебание, нужно ли опубликовывать этот факт или отнести его к области частной, интимной жизни, не подлежащей опубликованию. Конечно, никто не проведет резкой границы между двумя группами такого рода явлений. И проведенная мною черта далеко не безошибочна. Очень буду рад, если меня кто-нибудь исправит в интересах самого дела, в интересах красоты и правды изображения всем нам дорогого лица.

Художественная творческая работа выводит художника из области личной жизни и приобщает его к жизни мировой, и она ускользает от взоров биографа. С другой стороны, и внутренняя субъективная работа художника не может быть вполне доступна биографу; большею частью ему бывает открыта только подготовительная работа художника, самый же процесс творчества навсегда и для всех остается тайной.

Я сделал попытку рассматривать эти факты как явления жизни самого Льва Николаевича, осветив их и с его личной точки зрения, насколько она мне была доступна, и как явления общественного характера, указав на главнейшие черты того брожения, которое вызывало в обществе читателей и критиков появление этих великих произведений. Конечно, и тут не обошлось без промахов, но я сделал, что мог.

Переходя к периоду духовного кризиса, я остановился в недоумении перед громадностью предстоящей мне задачи, перед тою ответственностью, которую я беру на себя выставлением этого огромного и глубокого события тою лишь стороною, которая видна моему несовершенному взору; но, не имея перед собой более опытного предшественника, я опять был поставлен в необходимость действовать по способности и готов вперед признать большое несовершенство моей работы.

Я постарался из имевшегося у меня под руками материала выбрать все наименее известное, которое бы дополнило то, что уже известно, что поведал сам автор в своей неподражаемой "Исповеди", чтобы картина душевной жизни со всеми ее страданиями и радостями стала, если возможно, еще ярче, еще рельефнее, и самый момент, изображаемый ею, осветился бы с самых разнообразных сторон. И тут я, конечно, остановился в бессилии объективного наблюдателя, которому закрыты тайны субъективного сознания, и только лишь большая, сердечная близость предмета исследования могла дать мне некоторый ключ к пониманию тайны этого процесса.

Наконец, едва ли не самой трудной задачей этого тома было изображение ближайших моментов жизни Л. Н-ча 80-х годов отчасти вследствие свежести их в воспоминаниях всех живущих людей, отчасти